

УДК 94(4)

СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ ОБ АНГЛО-ГЕРМАНСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ В 1935 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ)

© 2014 г.

М.А. Бандурин

Ивановский госуниверситет

js.ivsu@bk.ru

Поступила в редакцию 24.12.2013

На основе материалов Архива внешней политики РФ исследуется англо-германское взаимодействие в 1935 году. При этом выявляются особенности советской позиции по данному вопросу и оценивается полнота и достоверность имевшихся в распоряжении советской дипломатии сведений.

Ключевые слова: Великобритания, Третий рейх, советская дипломатия, Восточное Локарно, «фронт Стрезь», Дж. Саймон, С. Хор, англо-германское морское соглашение, воздушный пакт, перевооружение.

1935 год, согласно американскому исследователю И. Люкешу, стал пиком международного влияния СССР с момента прихода А. Гитлера к власти в 1933 г. и до подписания пакта Молотова – Риббентропа в 1939 г. [1, р. 85]. Действительно, став в сентябре 1934 г. членом Лиги Наций, Советский Союз наращивал свою позицию в Европе и мире. Об этом свидетельствуют заключение 2 мая 1935 г. франко-советского пакта о взаимопомощи, в который была включена также Чехословакия, визит лорда – хранителя печати Великобритании А. Идена в Москву в конце марта 1935 г. и его переговоры с И.В. Сталиным и руководителем НКВД М.М. Литвиновым, а также VII конгресс Коминтерна. 1935 год характеризовался также активными переговорами, которые вели полномочные представители СССР в европейских государствах, а также расширением ими своих связей в политических кругах стран пребывания. В результате большевистские дипломаты оказались весьма информированными, что повышает интерес к их донесениям. В данном сообщении на основе материалов АВП РФ, большая часть из которых вводится в научный оборот впервые, предпринята попытка прояснения взаимодействия Великобритании и Третьего рейха в 1935 году – одному из наиболее важных в дипломатическом и геополитическом отношении предвоенного времени.

К концу 1934 г. после неудавшегося путча в Австрии, предпринятого местными нацистами 25 июля 1934 года, и внутривосточных событий (уничтожения парламентской демократии, «ночи длинных ножей», усиления антисемитской политики) Германия оказалась в международной изоляции. В итоге Берлину в январе 1935 г., как записал полпред СССР в Треть-

ем рейхе Я.З. Суриц, сопутствовала только одна «крупнейшая и, пожалуй, единственная победа... на внешнеполитическом фронте» – успешный итог саарского плебисцита [2, л. 4]. Как известно, Саарский район по итогам Первой мировой войны с 1920 г. находился под управлением Лиги наций. На плебисците 13 января 1935 г. более 90% местных жителей, принявших участие в голосовании, высказались за присоединение к Третьему рейху. Итоги были утверждены Советом Лиги Наций. Я. Суриц, оценивая международные последствия голосования, записал: «Англичане используют исход саарского плебисцита, чтобы произвести новый нажим на Францию по вопросу о легализации германских вооружений, в которую упирается проблема разоружения и умиротворения Европы» [2, л. 8]. Париж же в условиях фактического провала Женевской конференции по разоружению, бесплодно заседавшей с 1932 г., по наблюдениям советского полпреда, требовал дополнительных гарантий безопасности. Причем прежде всего от Великобритании. Но этого-то, по словам Сурица, Англия делать не желала и предпочитала, «чтобы эти гарантии давались Франции другими». Одновременно Лондон, опасаясь «оттолкнуть Францию к СССР», заявил о поддержке так называемого Восточного пакта – разработанного Парижем многостороннего договора о взаимопомощи в составе Германии, Польши, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, Чехословакии и СССР. Впрочем, Суриц сомневался, чтобы Великобритания «до конца отстаивала перед Германией Восточный пакт как неперемное условие легализации её вооружений» [2, л. 8].

Итак, в донесении советского полпреда в Берлине были высвечены две ведущие пробле-

мы в отношениях Парижа, Лондона и Берлина в 1935 г. – Восточный пакт и разоружение. В контексте последней особое внимание аналитиков того времени занимали два вопроса – военноморские вооружения и угрозы, исходящие от военной авиации. На этом фоне 3 февраля 1935 г. свет увидело англо-французское коммюнике, в котором, в частности, ставился вопрос о так называемом воздушном пакте – договоре, призванном снять проблему авиационных вооружений. Причем французы сумели увязать в отмеченном коммюнике идею воздушного пакта с планом Восточного пакта.

Как показывают архивные документы, в отношении этих пактов Великобритания заняла отличные позиции. Восточный пакт она не принимала. Причем на фоне зафиксированных Я. Сурицем симпатий к нацистскому рейху со стороны английского коалиционного правительства во главе с лейбористом Р. Макдональдом. Этот факт подтверждали сообщения другого видного большевистского дипломата – полпреда СССР в Великобритании И.М. Майского. Ссылаясь на слова чехословацкого посланника в Англии, он сообщал Москве, что британский премьер на последних переговорах с французами выступал горячим адвокатом Гитлера [3, л. 42]. Вообще, как следует из донесений большевистских дипломатов, зимой 1935 г. в политическом истеблишменте Англии по вопросам европейской политики произошел раскол. Если Р. Макдональд при выстраивании дальнейшей политики все более уверенно ориентировался на Германию, то лорд – хранитель печати А. Иден и лорд – председатель совета С. Болдуин главного союзника продолжали видеть во Франции. Заместитель же главы Форин Офис Р. Ванситтарт, вообще, делал ставку на фашистскую Италию. Что касается руководителя внешнеполитического ведомства Англии Дж. Саймона, то его симпатии или антипатии оставались неопределенными.

Позицию Макдональда в отношении Берлина И. Майский объяснял непониманием этим английским премьером специфики гитлеровского режима. Данный политик и его сторонники видели в Германии не нацистский Третий рейх, а Веймарскую республику эпохи Г. Штресмана и Г. Брюнинга [3, л. 82], с которыми Лондон небезуспешно сотрудничал.

Макдональд, следуя прогерманскому курсу, в феврале 1935 г. попытался оказать давление на французских партнеров с целью либо их полного отказа от Восточного пакта, либо, по крайней мере, отказа от взаимной военной помощи в его рамках. Но французы от своих планов отказываться не собирались.

Фактически британская политика зимой 1935 г. оказалась союзной германской. Впро-

чем, заместитель главы Форин Офис Ванситтарт пытался в этом разубедить советскую сторону и при встрече подчеркивал, что с немцами никаких переговоров не ведётся [3, л. 43]. Информация, поступавшая в советское полпредство в Лондоне, заставляла, однако, усомниться в правоте слов британского дипломата. Анализируя всю совокупность собранных фактов, Майский в донесении руководству НКВД от 22 февраля 1935 г. с тревогой записал: «В Англии имеются очень крупные силы, работающие в пользу сближения с Германией и никак не желающие примириться с признанием СССР подлинной великой державой» [3, л. 50]. Одним из представителей таких сил полпред назвал бывшего премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа. Последний при личной встрече с Майским 28 февраля 1935 г. сообщил, что Германии нужно ещё 10 лет для того, чтобы восстановить своё военное, экономическое и финансовое могущество [3, л. 52].

В отличие от идеи Восточного пакта вопрос о воздушном пакте вызвал в Англии интерес. Майский так объяснил причину этого: «Англия никогда не была большой военной державой, в ней нет сухопутно-военных традиций, её воображение плохо воспринимает все те опасности, которые связаны с наличием громадной армии в руках гитлеровской Германии. Воздушный флот уже сильнее затрагивал самую Англию, и тут британское правительство, и британские партии, и даже британский обыватель проявляет значительно больше интереса и беспокойства по поводу стремительно растущих германских вооружений» [3, л. 79].

Что касается Берлина, то он, по словам большевистских наблюдателей, выразил готовность сотрудничать с Лондоном и Парижем на базе англо-французского коммюнике от 3 февраля 1935 г. [3, л. 67]. Причем, как отмечал советник полпредства СССР в Германии С.А. Бессонов, Третий рейх главным в этом документе считал факт признания мировыми акторами Берлина равноправным партнером по переговорам. Его реакция на коммюнике характеризовалась двумя основными положениями: «1) Германия приветствует изменение политики держав по отношению к ней; 2) Она готова вступить в переговоры о воздушном соглашении как равноправный участник» [2, л. 27].

С целью изучения позиции Берлина британцы решили направить в Третий рейх главу Форин Офис Саймона. Подготовка поездки не ускользнула от внимания советских дипломатов. 4 марта 1935 г. Майский сообщал Москве: «Весь визит носит характер предварительного ознакомления с взглядами и настроениями гер-

манского правительства, а также осторожного зондажа обстановки» [4, л. 15]. Полпреду стало также известно, что в связи с репутацией Саймона как ненадежного человека с ним в качестве «комиссара» (явная аналогия с большевистскими комиссарами при ненадежных командирах эпохи Гражданской войны) в Германию выезжает Иден [4, л. 15]. Кроме того, по данным Майского, после визита в Берлин британцы планировали посетить Москву и уже вызвали недовольство Гитлера.

Значительную часть переданной в СССР информации Майский почерпнул из встречи с Ванситтартом. Этот заместитель главы Форин Офис в связи с миссией Саймона сообщил советскому дипломату: «Конкретно позиция британской делегации в Берлине во время переговоров с Гитлером будет, примерно, такова: цель британского правительства – умиротворение Европы. <...> Будет ли это пакт взаимной помощи, будет ли это пакт о ненападении, – нам, англичанам, безразлично» [4, л. 19].

Готовящийся визит англичан в марте 1935 г., однако, не состоялся. Причиной стало обнаружение британской оборонной программы – так называемой «Белой книги». О реакции на публикацию этого документа нацистского руководства интересные сведения 9 марта сообщал Я.З. Суриц: «Первым получил известие об издании англичанами Белой Книги Геббельс, немедленно направившийся с этим сообщением к Гитлеру, привлечшему в свою очередь к совещанию Риббентропа и Розенберга. На совещании этой четвёрки был предreshён вопрос о дипломатической болезни Гитлера и об отсрочке визита Саймона. На последовавшем затем заседании кабинета решение об отсрочке было поддержано рейхсвером и мининделом. Мининдел предполагал, очевидно, что эта отсрочка пошатнёт несколько положение Риббентропа, по инициативе которого возникла идея об отдельных переговорах с англичанами» [2, л. 40]. Здесь заметим, что И. фон Риббентроп, партийный советник А. Гитлера по Великобритании, действительно уже тогда начал конкурировать с главой МИД Третьего рейха К. фон Нейратом.

Вернемся к реакции официального Берлина. В нежелании принимать британскую делегацию дипломаты СССР увидели уловку, связанную с отсутствием у нацистских вождей ясной позиции по конкретным вопросам, затронутым в коммюнике от 3 февраля 1935 г. Этого же мнения, согласно советским источникам, придерживались и англичане. В подтверждение в одном из советских сообщений приводился афоризм, родившийся в Форин Офис в связи с «болезнью» вождя нацистов: «Гитлер простудился

между сырых листов английской Белой Книги» [4, л. 22].

Однако советские дипломаты и их британские коллеги, по-видимому, не знали всех планов фюрера Третьего рейха. Вскоре выяснилось, что Гитлер не собирается затягивать переговоры по военным вопросам. Наоборот, решил обострить эту проблему. 7 марта 1935 г. Берлин объявил о существовании люфтваффе – военно-воздушных сил Третьего рейха. 16 марта – о создании вермахта – вооруженных сил нацистской Германии, включавших сухопутные, военно-воздушные и военно-морские войска, которые приходили на смену рейхсверу, ограниченному Версальским мирным договором 1919 г. Оба решения Гитлер принял после совещания с фон Риббентропом и без консультаций с фон Нейратом и командованием рейхсвера. Рейхсвер, кстати, располагал на 1935 г. военным бюджетом, который не предусматривал увеличения численности армии и введения двухлетнего призыва, что предусматривалось планом создания вермахта.

Для обсуждения новаций Гитлера С. Бессонов встретился с послом Франции в Германии П. Арналем. Передавая беседу, советский дипломат 28 марта 1935 г. записал: «По мнению Арналя, это было сделано Гитлером с заведомой целью иметь резерв для „уступки“ англичанам. Кроме того, по мнению Арналя, можно опасаться также согласия Германии на возвращение в Лигу Наций, а также торжественной декларации Германии о соблюдении западных границ, Локарно и демилитаризованной зоны» [2, л. 52].

Визит Саймона и Идена в Германию состоялся лишь 24–25 марта 1935 г. Бессонов в этой связи сообщал: «Англия будет решительно выступать против каких бы то ни было двусторонних договоров и будет настаивать лишь на системе коллективных пактов. <...> Саймон заявил, что важнейшим результатом берлинских переговоров является тот факт, что отныне уже нельзя делить европейские страны на победителей и побеждённых» [2, л. 53–54].

28 марта 1935 г. фон Нейрат на встрече с Сурицем сообщил, что немцы заявили британцам о готовности принять участие в Восточном пакте с условием, что он не будет основан на принципе взаимопомощи [2, л. 28]. В тот же день советский полпред сообщил М.М. Литвинову: «Насколько нам известен ход переговоров, Гитлер не сделал ничего такого, что свидетельствовало бы о его стремлении при помощи быстрого и смелого манёвра вывести Германию из изоляции и опереться на Англию в дальнейших переговорах с другими державами. <...>

Заявление немцев, что они уже сейчас имеют воздушный флот, приближающийся к английскому, и хотят довести его до уровня французского могло быть рассчитано на то, чтобы запугать англичан, но вряд ли могло способствовать англо-германскому сближению. <...> Саймон по своём возвращении в Лондон не может похвастаться, что ему удалось вырвать у немцев согласие на уступки в вопросе, преимущественно интересовавшем англичан, в вопросе вооружений, и не сможет подкрепить фактами мирные намерения Гитлера. <...> Такая немецкая позиция идёт как раз по линии принципиальных установок самой Англии, всегда уклонявшейся от принятия на себя обязательств взаимопомощи» [2, л. 58–59]. По вопросу о воздушном пакте Гитлер, согласно Сурицу, заявил англичанам: Германия готова к переговорам при условии, что готовящееся соглашение будет дополнено к Западному Локарно.

Сведения полпреда в Берлине дополнил Иден. На встрече с Литвиновым он сообщил: Гитлер руководствуется прежде всего принципом равенства, однако весьма неопределённым и всеобъемлющим, готов вступить в Лигу Наций, если её устав будет отделён от Версальского договора, и готов в любую минуту подписать воздушный пакт, однако без ограничения воздушных вооружений и в контексте его рассмотрения отдельно от других вопросов [4, л. 67–69].

Получив ответ из Берлина и анализируя его решения в военной области, британцы начали менять свою позицию. В апреле 1935 г. появился «фронт Стрезы» – объединённая коалиция Франции, Италии и Великобритании против нацистской Германии. Суриц в этой связи отметил: «Мнение итальянца Антинори, не плохо осведомлённого человека, можно свести к следующим положениям: надо констатировать, что никогда с 1918 года международное положение Германии не было таким скверным, как в настоящий момент; Стреза и Женева сформировали единство мирового общественного мнения по отношению к Германии» [2, л. 74].

Вскоре последовал еще один удар по Берлину. 2 мая 1935 г. был подписан франко-советский пакт, который объективно имел антигерманскую направленность.

Между тем, согласно сообщениям советских дипломатов, в английском обществе к середине 1935 г. наметился перелом. 4 июня лорд У. Бивербрук в беседе с полпредом И.М. Майским заявил: «Макдональд долгое время тянул прогерманскую линию, но два месяца назад он изменил свою позицию. Он считает, что Гитлер его надул и что, поэтому, надо готовиться к борьбе с Германией. Саймон не имеет собст-

венного мнения, он готов подлаживаться под кого угодно. То правительство, которое явится результатом реконструкции, будет, по-видимому, понимать значение германской опасности лучше, чем нынешнее» [3, л. 95]. И действительно, 7 июня новым главой Форин Офис стал С. Хор. После переговоров с ним 12 июня Майский отметил: «...Хор ...новичок в области внешней политики... отсюда его явное желание экспериментировать – но не в области англо-советских отношений, а в сфере вопросов европейской безопасности, конкретно в сфере отношений между Англией и Германией» [3, л. 114].

Информация Майского в отношении Хора оказалась верной лишь отчасти. Быстро выяснилось, что по одному из вопросов разоружения – военно-морским вооружениям, переговоры по которым с немцами велись длительное время, новый глава британской дипломатии не пошёл ни на какие эксперименты. Уже 18 июня 1935 г. Лондон и Берлин подписали морское соглашение. Накануне, 17 июня, Литвинов, зная о готовящемся договоре, записал: «Заключение морского соглашения является вопиющим нарушением не только Версальского договора, но и договорённости Англии с Францией как в Лондоне, так и в Стрезе. Франция, несомненно, имеет все основания протестовать. Нам же заявлять что либо по существу соглашения вряд ли приходится» [5, л. 13].

Полпред СССР в Берлине Суриц, анализируя ситуацию, 19 июня 1935 г. писал в Москву: «Центральное место в германской внешней политике... занимает вопрос об отношениях с Англией. <...> Англичане охотно подхватили «новые» предложения Гитлера в области разоружения, приспособленные к различным статьям английского проекта, и, что самое главное, энергично взялись за переговоры по двум конкретным вопросам: о морских вооружениях и о воздушной конвенции. Именно это на первых порах немцам и нужно было. Их задача заключалась в том, чтобы на деле расчленил лондонскую программу от 3 февраля и разбить фронт, созданный в Стрезе» [2, л. 119–120]. Оценивая собственно морское соглашение и перспективы новых договоренностей Берлина и Лондона по военным вопросам, Суриц заметил: «В конце концов, даже пресловутый принцип равноправия получил в лондонском обмене нот весьма относительное применение. Англичане не взяли на себя никаких обязательств по отношению к Германии, между тем как Германия фактически подчинила своё военно-морское строительство контролю Великобритании. <...> Но в настоящий момент немцев больше всего воодушевляет тот факт, что они прорвали фронт версаль-

ских держав. Как выразилась одна из газет, читая лондонский обмен нот, можно было бы прийти к выводу, что Версальский договор уже отменён в целом, или, во всяком случае, что Англия не является участником Версаля. Следующим шагом Германии после морского соглашения, по-видимому, будут переговоры о воздушном соглашении. По сведениям, которыми мы располагаем, германский проект воздушной конвенции очень близко подходит к английским пожеланиям» [2, л.121–122].

В конце 1935 г., 6 декабря, своими мыслями по поводу англо-германского морского соглашения с И. Майским поделился У. Черчилль. Британский политик особенно отгенил следующие моменты. Договор был продиктован сугубо ведомственными соображениями: парламент отказывался ассигновать необходимые суммы на морское строительство Адмиралтейству, требуя указать, против кого конкретно следует усиливать флот. Поскольку против Франции, Италии и США этого делать было незачем, Германия, предложив фиксированный коэффициент ограничения своего флота по отношению к британскому в 35%, стала желанным «пугалом». Теперь усиливать флот можно было беспрепятственно [3, л. 251]. Другой собеседник И. Майского, британский политик А. Синклер, заявил: «3 года шли бесплодные разговоры о разоружении, которые всем смертельно надоели, а тут вдруг неожиданно британскому правительству представился случай заключить какое-то конкретное (хотя бы и ограниченное по объёму) соглашение об ограничении вооружений. Искушение было слишком сильно, и соглашение стало совершившимся фактом» [3, л. 251–252]. Морское соглашение, согласно советским источникам, было поддержано даже антигермански настроенным Р. Ванситтартом [3, л. 199].

Договоренности с Германией по военноморским вопросам укрепили позиции главы Форин Офис Хора. Так, Ванситтарт в разговоре с Майским 9 июля 1935 г. заметил: «Сейчас, месяц спустя после вступления Сэмюэля Хора в новую должность, он ещё с большим убеждением, чем раньше, может сказать, что из Хора выйдет хороший министр иностранных дел, «реалистически» смотрящий на вещи» [3, л. 157]. В связи с этим Ванситтарт выразил надежду на восстановление «фронта Стрезы», который рассматривался как антигерманский. Об укреплении этой линии в политике Лондона 19 июля 1935 г. в личной беседе И. Майскому заявил также С. Болдуин, который на тот момент, в связи с болезнью Р. Макдональда, исполнял обязанности премьер-министра: «Никакой пе-

ремены в нашей политике нет. Политика остаётся старой. Мы хотим мира в Европе (как и повсюду), и мы хорошо понимаем, что если в Восточной части Европы будет полыхать война, то пожар, в конце концов, перекинется и на западную часть Европы. Однако в политике нужно быть реалистом, и трудно заранее фиксировать те пути и методы, с помощью которых легче всего добиться желательных результатов. Впрочем, я не хочу вмешиваться в сферу компетенции министра иностранных дел. Сэр Самюэль Хор недавно произнёс речь, в которой изложена точка зрения правительства по различным вопросам внешней политики» [3, л. 168–169].

С. Хор действительно 11 июля 1935 г. сделал пространный доклад в Палате общин по международным проблемам. В нем он, в частности, выразил двусмысленное отношение к франко-советскому пакту и переговорам с Германией по вопросам вооружений. Согласно берлинскому полпреду Сурицу, немцы на переговорах с англичанами в июле 1935 г. продолжали дискуссию о воздушном пакте на базе собственных предложений и высказались против франко-советского договора [2, л. 143]. Однако после выступления С. Хора англо-германские переговоры по воздушному пакту были приостановлены. Ванситтарт сообщил Майскому на встрече в ноябре 1935 г.: «С воздушными силами дело обстоит так: летом текущего года британское правительство предложило германскому правительству начать переговоры об ограничении воздушных флотов Локарнских держав. Немцы уклонились от переговоров под предлогом каникул, обещая вернуться к данному вопросу в середине октября. Вот уже середина ноября, а немцы молчат. Англичане пока выжидают» [3, л. 201].

Об избрании Берлином тактики уклонения от выдвинутого С. Хором решения по военным вопросам сообщал Москве и Суриц: «По всем данным, Гитлер и руководители Аусамта [МИДа. – М.Б.] прямо избегают необходимости высказаться по актуальным вопросам, уклоняясь даже от встреч с иностранными дипломатами» [2, л. 171].

Паузу в переговорах по воздушным вооружениям Берлин и Лондон заполнили поиском формулировки по вопросу о санкциях против фашистской Италии, которая начала в октябре 1935 г. войну против Эфиопии. Однако, как заметил в записи от 13 ноября первый секретарь посольства СССР в Германии Е.А. Гнедин, готовность немцев принять британскую позицию в отношении конфликта в Африке не вела к оживлению англо-германского диалога [2, л. 205]. Вообще, по мнению того же Е. Гнедина, осенью 1935 г. в Третьем рейхе «ни одна из

важнейших проблем внутренней политики не разрешена», а «во внешней политике германские перспективы становятся всё менее радужными» [2, л. 145].

В этих условиях в нацистскую Германию выехал с неофициальным визитом правый политик и газетный магнат лорд У. Бивербрук. 1 декабря 1935 г. он сообщил о результатах поездки И. Майскому [3, л. 226]. Гитлер, который встречался с Бивербруком, по словам англичанина, выразил поддержку попыткам газетного магната создать оппозиционную консерваторам Имперскую партию и пожелал, чтобы его изоляционистская позиция имела большее влияние на британскую политику. Бивербрук в беседе с лидером нацистов стал доказывать, что, несмотря на его расхождения с С. Болдуином, он остаётся «добрым британским консерватором». На это Гитлер заметил: политика Третьего рейха является по существу политикой изоляции – такой же, какую предлагает Бивербрук для своей страны. Кроме того, вождь национал-социалистов заявил, что он не пойдёт ни на какое соглашение, которое связывало бы свободу его действий и гарантировало бы советские границы. Касательно позиции самого Бивербрука по международным вопросам, то, по мнению Майского, она выглядела следующим образом: «Б[ивербрук] выразился так: политика изоляции, с моей точки зрения, здоровье, комбинация с Францией и СССР – простуда, а сближение с Германией – тиф» [3, л. 227–228].

В самом конце 1935 г. была сделана еще одна попытка оживить германо-британский диалог. 13 декабря А. Гитлер встретился с британским послом в Третьем рейхе Э. Фиппсом. Но прорыва в отношениях вновь не произошло. Советник полпредства СССР в Великобритании

С.Б. Каган, обсуждая англо-немецкие переговоры с французским коллегой, пришел к выводу, что Гитлер в создавшихся условиях не пойдёт на заключение воздушного пакта [3, л. 232]. По данным советских источников, фюрер нацистов свою позицию объяснил так: советско-французский пакт является военным союзом, направленным против Германии, это исключает для Третьего рейха возможность ограничить свои воздушные силы в рамках паритета, пусть даже и с сильнейшей из Локарнских держав [6, с. 593].

В заключение отметим следующее. Обладая достаточно информированными источниками, советские дипломаты знали о многих сторонах британо-немецкого взаимодействия. Вместе с тем они явно не до конца просчитали политику в отношении нацистской Германии главы Форин Офис С. Хора. Его «эксперимент», о котором упоминал И.М. Майский, не получил всестороннего освещения. Вместе с тем внешнеполитический курс С. Хора на деле представлял собой манёвр британской дипломатии в духе «баланса сил», который был попыткой изоляции Третьего рейха и способствовал эскалации геополитической напряжённости.

Список литературы

1. Lukes I. Czechoslovakia Between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Beneš in the 1930s. New-York: Oxford University Press, 1996. 321 p.
2. АВП РФ Ф. 05. Оп. 15. П.107. Д. 31.
3. АВП РФ Ф. 05. Оп. 15. П.106. Д. 17.
4. АВП РФ Ф. 05. Оп.15. П. 106. Д. 18.
5. АВП РФ Ф. 05. Оп. 15. П.106. Д. 16.
6. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. М.: Изд-во политической литературы, 1973. 718 с.
7. АВП РФ Ф. 05. Оп. 15. П. 106. Д. 30.

SOVIET DIPLOMATS ON ANGLO-GERMAN INTERACTION IN 1935 (BASED ON THE MATERIALS OF THE FOREIGN POLICY ARCHIVE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

M.A. Bandurin

Based of the materials of the Foreign Policy Archive of the Russian Federation, Anglo-German interaction in 1935 is examined. Some features of the Soviet position on this issue are revealed, and the completeness and reliability of the data which were available at the disposal of the Soviet diplomacy are evaluated.

Keywords: Great Britain, Third Reich, Soviet diplomacy, Eastern Locarno, Stresa front, J. Simon, S. Hoare, Anglo-German Naval Agreement, Air Pact, rearmament.

References

1. Lukes I. Czechoslovakia Between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edvard Beneš in the 1930s. New-York: Oxford University Press, 1996. 321 p.
2. AVP RF F. 05. Op. 15. P.107. D. 31.
3. AVP RF F. 05. Op. 15. P.106. D. 17.
4. AVP RF F. 05. Op.15. P. 106. D. 18.
5. AVP RF F. 05. Op. 15. P.106. D. 16.
6. Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. XVIII. M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1973. 718 s.
7. AVP RF F. 05. Op. 15. P. 106. D. 30.